

minibo**OK**

ФРАНСУАЗА САГАН

СЛЕЗИНКИ В КРАСНОМ ВИНЕ

Москва
2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
MUSIQUE DE SCÈNES

© Editions Stock, 2011. The first edition of this work
was published in 1981 by Editions Flammarion

Перевод с французского *Л. Ефимова*

Оформление серии *А. Старикова*

Саган, Франсуаза.
С13 Слезинки в красном вине : [роман] / Франсуаза Саган ; [пер. с фр. Л. Ефимова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-95612-8

Каждый мужчина имеет право на маленькое приключение, но женщинам этого не понять...

Каждая женщина имеет право на маленькое приключение, но мужчинам этого не понять...

Любовный хоровод, в котором кружатся дамы из высшего общества, богатые буржуа, куртизанки...

А цена каприза красивой женщины — всего лишь несколько слезинок в красном вине.

Сборник новелл, написанных в лучших традициях французской галантной прозы.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-95612-8

© Л. Ефимов, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Кот и казино

Тщетно Анджела ди Стефано надрывала глотку, подзывая своего кота, красавца Филу, пропавшего с утра в улочках старой Ниццы. Было три часа дня, и, несмотря на сентябрь, еще стояла ужасная жара. Не в привычках Филу было забыть свою сиесту и родной квартал, какими бы привлекательными ни казались окрестные кошки, так что Анджела все больше и больше тревожилась за своего любимца. Ее муж Джузеппе ушел играть в шары, как и каждую субботу после полудня, а соседки предавались дреме на медных кроватях, за многоцветными знаменами вывешенных в окнах рубашек и носков. Из опасения потревожить их отдых Анджела не осмеливалась кричать слишком громко и потому бубнила: «Филу, Филу» — у каждой подворотни, придерживая наброшенную на голову из-за солнца шаль.

В свои тридцать два года Анджела ди Стефано была очень красивой, крепко сбитой женщиной ярко выраженного латинского типа, хотя корсиканские предки наградили ее несколько замкнутым, а порой и суровым лицом, способным обескуражить возможных соперников Джузеппе. Впрочем, он и сам об этом знал и порой подшучивал над добродетелью жены, но так, что смеха это у Анджелы не вызывало.

Филу все не находилась, а ей меж тем надо было поспеть до четырех часов в банк, чтобы положить туда очередные пятьсот франков, потому что они решили купить дом в кредит, выплачивая взносы месяц за месяцем. Вчера Джузеппе, как хороший супруг, вручил ей свою получку, и она хотела как можно скорее избавиться от этой бумажки, добытой столь дорогой ценой. Вдруг ей показалось, что за стеной молнией промелькнуло что-то серое, и она крикнула: «Филу!», а потом толкнула калитку садика, окружавшего дом красотки Элены. Красотка Элена была их соседкой вот уже десять лет, и о ней немало судачили с тех пор, как она овдовела, правда, без малейших доказательств. Анджела сделала три шага на цыпочках, заметила на подоконнике насмешливого Филу и позвала его тихонько раз или два, прежде чем решила подойти поближе. Филу скосил на нее зеленые глаза и шмыгнул внутрь. Анджела инстинктивно толкнула ставень, чтобы его поймать, и тут увидела своего разлюбезного Джузеппе, спящего в объятиях Элены. Ее сердце бешено заколотилось, она попятилась и выскользнула за калитку в ужасе от мысли, что он мог ее увидеть.

Только на улице, по которой она шла куда-то широким шагом, ее удивление и ужас превратились в гнев. Ей надо было догадаться, даже Филу об этом знал... Вот куда Джузеппе частенько ходил играть в шары по субботам. Как давно? Она решила вернуться к своей матери, на родной остров, к порядочным людям. Измена — не для таких женщин, как она. Десять лет она занималась Джузеппе ди Стефано, его домом, его вещами, его питанием и его постелью. Десять лет только и делала, что подчинялась ему и старалась угодить, а он лгал ей и ночью, и днем, думая о другой!

Оказавшись на Английской набережной, куда никог-

да прежде не заходила, она продолжала идти все тем же решительным шагом, словно собиралась пересечь море посуху и добраться до дома своих родителей. Только свисток помешал ей попасть под машину. Внезапно обернувшись, она увидела, что стоит перед большим белым зданием с вывеской «Казино», где иностранцы вроде бы спускали свои состояния и куда даже мужчины из ее квартала заглядывали с большой опаской. Она увидела, как туда вошла светловолосая, заметно старше ее женщина в полотняных брюках. Увидела, как та чему-то посмеялась вместе со швейцаром и исчезла в полумраке. Было в этом полумраке, серо-бежевом по сравнению с раскаленным на солнце тротуаром, что-то завораживающее, и Анджела тоже машинально поднялась по ступеням.

Она была одета скромно, но держалась осанисто. Швейцар без всяких шуточек направил ее к большому залу, где, тоже без шуток, какой-то человек в черном костюме с галстуком спросил у нее документы и осведомился, сколько жетонов ей угодно. Анджела была как во сне, и лишь несколько фильмов, виденных по телевизору, подсказали ей, как себя вести: ни разу в жизни она не рисковала даже одним франком в игре и не играла ни во что, кроме «крапетты».

Так что она степенно попросила жетонов на пятьсот франков и протянула красивую банкноту Джузеппе, получив взамен пять круглых смешных штучек, которые ей, очевидно, следовало положить на зеленый стол чуть поодаль. Его уже окружали несколько задумчивых, истомленных жарой игроков, и ей удалось, не привлекая к себе внимания, понаблюдать за ними добрых десять минут, чтобы чему-нибудь научиться. Ее ладонь так стискивала фишки, что вспотела. Она в смущении переложила их в левую руку, вытерла правую и, воспользо-

вавшись всеобщим затишьем и остановкой маленького, такого прыткого шарика, взяла одну из своих блестящих штучек и твердо поставила на номер восемь. Собственно, она вышла замуж восьмого августа, в Ницце, и жила в доме № 8 по Малоконюшенной улице.

— Ставки сделаны, — сказал безразличный человек в вечернем костюме и снова запустил шарик, который начал бешено крутиться, а потом грациозно угодил в черную выемку, но слишком далеко, чтобы Анджела могла различить номер.

— Номер восемь! — выкрикнул человек устало. — Восемь: выигрыш на один номер¹, — добавил он, бегло взглянув на стол.

Затем, оглядев игроков по кругу, выложил в ряд десяток других жетонов и придвинул к Анджеле. При этом назвал цифру, которая показалась ей астрономической, и уставился на нее вопрошающим взглядом.

— Восемь, — повторила Анджела твердо.

Она чувствовала себя хорошо. В нее словно вселился некий дух, словно какая-то неведомая тень направляла ее исподтишка; удивляло лишь то, что с глаз пропал этот образ — Джузеппе, спящий рядом с Эленой. Теперь она видела только маленький шарик, только его.

— Максимум две тысячи франков на один номер, — удивленно сказал крупье.

Не поняв, она кивнула вместо ответа, и крупье сдвинул кучку ее жетонов на восемь, вернув остальные, которые она машинально забрала.

К столу теперь подошли другие люди и смотрели на

---

¹ При игре в рулетку можно делать ставки на один, два и более номеров, на «красное», «черное», на целый ряд, на «чет», «нечет» и т.д. Но выигрыш на один номер — максимальный, как правило, тридцать пять к одному.

нее с некоторым любопытством. Ни выражение лица, ни поведение не позволяли заподозрить в ней сумасшедшую, которая рискнула двумя тысячами франков, поставив их на простой номер в Летнем казино, в Ницце, в сентябре. После секундного колебания крупье крикнул: «Делайте ваши ставки!» Дама в брюках положила десять франков рядом со сверкающей грудой Анджелы, и шарик снова закрутился. Потом, издав несколько разнообразных, не согласованных между собой звуков, замер. И настала тишина, сменившаяся потрясенным ропотом, от которого Анджела очнулась — поскольку закрыла глаза (но словно признавая сквозь сон только вину за свои отяжелевшие веки, а не за это потрясение).

— Восемь, — сказал крупье, уже не так весело, как ей показалось. Затем, повернувшись к Анджеле, которая не дрогнула лицом и осталась столь же холодной, поклонился и объявил: — Мои поздравления, мадам. Мы вам должны шестьдесят шесть тысяч франков. Не угодно ли проследовать за мной?..

Ее окружили мужчины в черном — наполовину заискивающие, наполовину раздраженные — и отвели к другой стойке. Там другой человек, с бледными глазами, отсчитал ей жетоны, гораздо более крупные и более квадратные. Анджела ничего не говорила, в ушах у нее свистело, ей было трудно держаться прямо.

— Сколько тут? — спросила она, указав на безликие бляшки.

И когда человек сообщил ей: «Шестьдесят шесть тысяч франков, мадам, то есть шесть миллионов шестьсот тысяч в старых франках», она вытянула руку и оперлась о его ладонь. Он усадил ее, весьма учтиво, заказал и поднес ей коньяк, все с той же чуть ледяной вежливостью.

— Могу я получить их наличными? — спросила Ан-

джела, как только жар алкоголя вернул ее к пониманию ситуации.

— Разумеется, — сказал тот.

И, вновь погрузившись в свои ящики, достал оттуда гору банкнот — желтых, похожих на ту, что доверил ей этим утром Джузеппе; дошел в своей любезности даже до того, что помог записать деньги в сумочку.

— Не желаете ли сыграть еще, мадам? — спросил он, но без особой надежды, поскольку ему, разбивавшемуся в этом, было очевидно, что Анджела наверняка в первый и последний раз переступила порог казино. Она отказалась, мотнув головой, сказала: «Большое спасибо» — и вышла тем же быстрым и твердым шагом, который привел ее сюда.

Стоило выйти наружу, как солнце вернуло ее к действительности. Она вновь узнала море, Английскую набережную, машины, старые пальмы и, вспомнив, что ей изменили, села в первом же попавшемся близ казино кафе (впрочем, одна в кафе Анджела ди Стефано тоже оказалась впервые). Поставила свою сумочку меж крепко сжатых ног и заказала малиновое мороженое у официанта с тусклым голосом. Тут она принялась размышлять. Какой-то низенький желтый человечек в бежевом, следовавший за ней от самого казино, попытался завязать с ней разговор и угостить сигаретой, но она отогнала его без единого слова настолько красноречивым жестом, что этот паразит, хоть и пресыщенный игорными залами и одинокими дамочками, на сей раз почувствовал себя вдруг совершенно униженным: упорствовать было ни к чему.

Так что он ушел, и Анджела, предоставленная наконец самой себе и своим думам, изучила один за другим три-четыре плана, которые казались ей логичными.

Первый состоял в том, чтобы как можно скорее по-

ложить эти желтые банкноты в банк, но это был банк Джузеппе, а от Джузеппе, который ей изменил, она должна уйти.

Второй план состоял в том, чтобы зафрахтовать в порту какое-нибудь судно или лодку и отправиться прямо к родителям.

Третий состоял в том, чтобы взять такси (как в романах), заехать домой за Филу и своим чемоданом и оставить Джузеппе пятьсот франков вместе с душераздирающей запиской. Потом в порт... и так далее.

Четвертый казался романтичнее: накупив в магазине тонких, как паутина, платьев из красного шелка, великолепных драгоценностей, нанять коляску и вернуться домой вскачь, на глазах оторопевших соседок, разбрасывая конфеты детям на всем пути. Или же найти двух гангстеров — должны же они тут водиться, — чтобы они отделали хорошенько красотку Элену. Или же, наняв машину с шофером в серой ливрее, отправить его к себе домой на Малоконюшенную улицу с запиской для соседки, чтобы та передала ему Филу и ее вещи.

От всех этих возможностей у Анджелы кружилась голова, да и коньяк плохо сочетался с малиновым мороженым. Ее мучило. Вдобавок жизнь так давно не предоставляла ей никаких возможностей. Она так давно точно знала, что ее ждет в следующие полчаса — и через неделю, и даже через год, — что ей вообще не приходилось ничего выбирать, а потому это внезапное, непредвиденное «Джузеппе в объятиях Элены» становилось, если подумать, почти успокаивающим, поскольку уже случилось, реально существовало, и с этим она ничего не могла поделать. Ошибкой и ужасом были как раз все эти возможности, напиханные в сумку у ее ног.

Анджела знала, что, если бы не набитая желтыми бумажками сумка, она вернулась бы домой. Наорала бы

на Джузеппе, осыпала оскорблениями, пригрозила бросить его, а может, и впрямь бросила бы на какое-то время, пока он, совершенно сокрушенный и кающийся, не приполз бы за ней на ее остров. Если бы не эта куча денег, ее жизнь осталась бы простой и незамысловатой, но в конечном счете очень приятной, потому что она любила Джузеппе. И хотя она отлично знала, что он, в сущности, бабник, она знала также, что он ее любит — ее, Анджелу, и что в предыдущую субботу вторую половину дня у Элены провел сын их старой соседки. Только вот теперь она могла бы стать кем-то другим, нежели просто обманутой женой, видеть перед собой нечто иное, нежели кающийся муж. Она могла бы стать свободной и богатой женщиной, бросающей своего раздавленного мужчину... Ее Джузеппе — каменщик и довольно красив, но, в общем-то, ему уже не двадцать лет и много он не зарабатывает. Если она уйдет, женщины не станут бегать за ним толпами. Тем более что если бы он случайно получил несколько лишних франков, то отдал бы их ей, Анджеле. Это ведь ей пришлось настоять, чтобы он выкупал потихоньку их старый дом на Мало-конюшенной улице; да и платье из красного шелка он сам ей вечно сулил, и, выходит, вовсе не она о нем мечтала.

На золотисто-серое море, ставшее шелковым в сумерках, медленно опускался вечер, и Анджелу начал доносить страх, как бы Джузеппе не забеспокоился. Может, он решил, что на нее напал какой-нибудь подонок, позарившись на прекрасную желтую купюру, которую ей следовало отнести в банк? Но, конечно, он и вообразить себе не в силах, что она тут одна, в кафе, на этой шикарной улице, с миллионами у своих ног и может уйти от него безвозвратно. Что они с Филу будут делать часов в восемь, если она не вернется? Будут

ждать перед дверью, как пара недотеп. Да они и есть недотепы, неспособные даже отыскать, где масло и мука, колбаса и вино. Нет, это невозможно! Если бы она решилась уйти, то не смогла бы даже насладиться ни лангустом, ни шампанским, ни маленькими пирожными, которые принес бы ей метрдотель в одной из этих роскошных, как дворцы, гостиниц. Ничего не смогла бы сделать с этими деньгами, потому что всегда и во всем ей чудился бы привкус тоски. Она не создана для таких возможностей. Либо мало фильмов видела по телевизору, либо мало книжек читала. Либо недостаточно мечтала о ком-то другом, кроме Джузеппе...

Она встала, вернулась в казино и, по счастью, вновь наткнулась на того же человека с бледными глазами, человека с коньяком, который тотчас же ее узнал. Она увлекла его в темный уголок и шепотом пробормотала свою просьбу.

— Что? — переспросил он.

Он повысил голос, покраснел, и все на них смотрели. Тогда она немного притянула его к себе, вновь начала шептать, и он вдруг, похоже, понял.

— Вы хотите, чтобы я взял их у вас обратно? Так? Но я не имею права, мадам.

Он подозвал другого человека, одетого так же, как и он, и они стали шептаться все троим. У мужчин был теперь странный вид, оба вдруг стали выглядеть гораздо моложе и ребячливее, чем прежде. Если бы кто-то подошел поближе, он был бы изрядно удивлен, слыша, как двое крупье и эта красивая женщина толкуют о благих делах «Доброй помощи» или о достоинствах «Смирненных братьев бедноты». В конце концов они прошли в кабинет, Анджела выложила свои деньги, ей выдали чек, который она перевернула и сделала передаточную надпись на благотворительную организацию «Сен-Вен-